

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1
DOI 10.17223/18137083/57/3

Л. И. Журова

Институт истории СО РАН, Новосибирск

Сильвестровский сборник посланий митрополита Даниила и «Соборник»: вопросы кодификации*

Анализ архитектоники двух сборников из творческого наследия митрополита Даниила: «Соборника» (16 Слов) и сборника посланий (Сильвестровского сборника, 14 посланий) – позволяет определить некоторые закономерности в организации авторских кодексов писателя и подойти к решению вопроса о генезисе жанров послания и проповеди. Послания Сильвестровского сборника сложены в систему текстов, связанных эпистолографической традицией и темой нравственной чистоты в иноческой и мирской жизни. Кодами сборника посланий церковного писателя выступили заголовки, однотипные обращения и комплекс мотивов Священного Писания. Кодом в строении синтагматических отношений между Словами «Соборника» Даниила служило Священное Писание и его толкования, порождавшие авторскую интенцию и обеспечивавшие мотивную структуру архипастырских проповедей, субкодами – единый принцип строения Слов (трехчастная структура, функции заголовков) и позиция автор – читатель, выразившаяся в многообразии апеллятивов.

Ключевые слова: митрополит Московский Даниил, рукописное наследие, «Соборник», послание, проповедь, межтекстовые связи, публицистика.

В русской публицистике XVI в. ведущим жанром признано послание [Буланин, 1980, с. 3]. Оно могло служить продуцирующей основой для развития разных жанров средневековой литературы: трактатов, поучений, слов и т. д. Слово как ведущий жанр проповеднической литературы до сих пор не имеет четкого определения. Широкое понимание его формы и содержания сделало это литературное образование облигаторным средством повествования. Вопрос о генетических отношениях послания и слова в творчестве публицистов XVI в. сегодня имеет разные решения [Буланин, 1980, с. 120–123; Алексеев, 2010, с. 262–272]. Одним из подходов к нему может стать анализ организации состава гомогенных жанро-

* Публикация статьи подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-04-00503.

Журова Людмила Ивановна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора археографии и источниковедения Института истории СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия; zhurova@ngs.ru)

вых сборников, т. е. сборников, в котором собраны тексты одно жанра (сборник слов, сборник посланий, сборник житий и т. д.).

Рукописное наследие Московского митрополита Даниила в основном сложилось из посланий и слов.

Самый известный памятник литературного творчества церковного публициста – «Сборник» – составлен из 16 Слов¹. Известны пять его списков: РГБ, ф. 173, собр. МДА/І, № 197, 30-е гг. XVI в.; РНБ, F.I.522, вторая половина XVI в.; ГИМ, собр. Хлудова, № 87, первая четверть XVIII в.; ГИМ, Синодальное собр., № 985, вторая четверть XVIII в.; ГИМ, собр. Уварова, № 730, середина XVIII в. Перед исследователями стоит вопрос о принципах систематизации его состава.

Большинство посланий Даниила сохранилось в виде двух групп. Одна из них может быть представлена тремя рукописями XVI в.: РНБ, Соф. собр., № 1281, Сильвестровский сборник, 60-е гг. XVI в.; РНБ, Соф. собр., № 1456, середина – вторая половина XVI в.; РНБ, собр. Погодина, № 1149, 80-е гг. XVI в.² Эти сборники посланий Даниила имеют устойчивый состав, что может говорить о его намеренном формировании, и инициатором такого свода мог быть сам автор. Группа именована по рукописи самого раннего и хорошо известного так называемого Сильвестровского сборника – Соф. 1281, принадлежавшего библиотеке священника Благовещенского собора, крупного общественного деятеля эпохи Ивана IV Сильвестра. Книжники Кирилло-Белозерского монастыря, куда удалился после «остуды» Сильвестр, приняв монашеский постриг под именем Спиридон, пометили рукописи из келейной библиотеки старца как «сильвестровские». Сборник Соф. 1281 имеет такую запись.

Трем рукописям можно присвоить таксономическую категорию – Сильвестровская группа, поскольку в нее вошли сочинения, связанные общностью свойств содержательного и структурного характера, а также имеющие единое признаковое пространство.

Предметом настоящей статьи будет постановка вопроса о принципах кодификации сочинений Даниила в сборниках разного типа, о возможных смысловых и структурных связях внутри них и между ними.

Рукопись РНБ, Соф. собр., № 1281 (Сильвестровский сборник) состоит из двух частей, представляющих собой отдельные рукописи, и трех статей, происхождение которых связывают с творчеством Сильвестра³. В первой рукописи (л. 1–218) помещены 16 известных поучений митрополита Фотия, во второй (л. 221–358) – 13 посланий митрополита Даниила.

Устойчивость состава Сильвестровской группы посланий в трех сборниках: Соф. 1281, Соф. 1456, Погод. 1149 – говорит о сложившемся авторском кодексе эпистолярных текстов. Софийские списки содержат тринадцать посланий митрополита, в погодинском списке сохранилось четырнадцатое послание. Оно писано почерком, отличающимся от почерка писца предыдущего, тринадцатого Послания. Текстологический анализ списков – предмет другой статьи.

Важным элементом кодификации текстов в сборнике надо считать надписания посланий, потому что, как показывает изучение рукописной традиции сочинений, например, Максима Грека, отсутствие названия – признак первоначального варианта послания [Журова, 2008, с. 488]. Тексты Даниила в Сильвестровском сбор-

¹ Написание термина с заглавной буквы означает именование конкретного произведения.

² Другая группа посланий находится в сборнике XVI в. РНБ, Q.I.1439, изданном В. Г. Дружининым, и насчитывает 26 посланий и поучений [Дружинин, 1909].

³ Сиренов А. В. К истории формирования Сильвестровского сборника РНБ, Соф. 1281 // ТОДРЛ. Т. 64. (В печати). Приношу свою искреннюю благодарность А. В. Сиренову за возможность ознакомиться со статьей в рукописи.

нике имеют двойную жанровую номинацию: «Послание... Слово». Такие обозначения являются маркерами систематизации сборников посланий. Они появляются на стадии формирования свода и придают ему статус кодекса. Автор переводит текст из одного жанра в другой, чтобы придать ему вид поучения, поскольку именно дидактичество было основной целью архипастыря. Обратим внимание, что в некоторых сочинениях номинация «послание» отсутствует (в 5–7, 9, и 13 Словах), что лишний раз подтверждает, как элиминация эпистолярных элементов приводит к трансформации жанра послания в трактат.

В. Жмакин писал о том, что послания Даниила в сборниках не поддаются какой-либо систематизации: «Порядок, в каком они следуют, основан на простой случайности и не подчинен какой-либо идее» [Жмакин, 1881, с. 649], но мотивный анализ сочинений позволил установить некоторые закономерности в развитии сюжетов посланий и представить их в виде единого дискурса. В принципе здесь два сюжета: о монашеской жизни (соблюдение монастырского устава, устройство монастырей, иконический образ монашества) и целомудрии (осуждение прелюбодеяния и разврата, сохранение целомудрия и создание индексального образа нравственной чистоты как в иноческой, так и в мирской жизни). Они связаны логикой проповеднического слова. Послания в сборнике расположены в ее (логики) развитии и обращены к двум типам адресатов: некоему епископу (кроме первого Послания), иноку и безымянному светскому знатному лицу. Сочетание монашеской (или богословской) и мирской тем характерно для композиции кодексов митрополита Даниила.

О высоком статусе респондентов можно судить по обращениям («твоему благородию») и уничижительной формуле автора, митрополита всея Руси: «Понеже пучина азъ окаянная есмь безмърныхъ прегрешении, и многобезумень, и непотребень ни на что же, тѣмже трепещу, и ужаюсь, и зело боюсь» (Послание 4), «ты со мною, грѣшнымъ и худымъ инокомъ Даниломъ, совѣта о семь не имѣи» (Послание 5) и др.

Тип посланий Даниила – ответ на вопрос адресата. Так, в первом послании Даниил признается: «восприях любовное ваше послание... и аз, аще не достоин есмь, но елико по силе моеи сказати Божественное Писание противу коегождо потребы должен сии...»; во втором послании свидетельствует: «Понеже убо, възлюбленнии мои брате епископе, многаа различная словеса приидоша ко мнѣ, недостойному иноку Данилу...» и т. д. Составление ответных посланий было очень популярным видом эпистолярной культуры в Средневековье. Такая форма обеспечивала мотивированность авторского замысла. Например, Максим Грек часто прибегал к вымышленному адресату, используя делиберативный вопрос [Журова, 2008, с. 39–40] (так, Послание Николаю Булеву начинается: «Пред малыми деньми велѣл ми еси память о тебѣ всегда имѣти» [Максим Грек, 2008, с. 133], но такая ситуация была не возможна).

Имя автора в названии первого текста сборника Даниила как бы покрывает весь комплекс посланий в сборнике: «Послание грешнаго и худаго инока Даниила, милостию Божию митрополита всея Руси, в Володимер, во обитель святого чудотворца Николы на Волосово, въ общий монастырь митрополии всеа Руси игумену Пафнутию и съ братиею о благочинии и крѣпости монастырьскаго устава. Слово 1»⁴. Последующие сочинения начинаются с безымянного указания автора: «Того же», поэтому авторизованное послание, открывающее сборник, выполняет организующую роль в кодификации текстов.

Первое послание адресовано игумену Владимирского Никольского монастыря Пафнутию и вызвано нарушениями порядка иноческого жития, которые стали

⁴ Текст цитируется по рукописи: РНБ. Соф. собр. № 1281. Л. 221 (далее листы указаны в круглых скобках).

известны митрополиту, например, пожертвования христиан пресвитеры и дьяконы присваивали себе. Даниил рассуждает о сохранении монастырского устава, излагает некоторые правила организации жизни общежительного монастыря. Он формулирует дисциплинарные правила для монахов, излагает наставления для неисправных монахов, рисует образ идеального игумена, который, без сомнения, создан под влиянием Духовной грамоты Иосифа Волоцкого [Жмакин, 1881, с. 690]. Это в какой-то мере программное сочинение.

Тема – правила монашеского общего жития и отказ от сребролюбия – продолжена в двух следующих посланиях. Если в послании Пафнутию речь шла о крепости и благочинии монастырского устава, то в Слове 2 («Того же. Послание к некоему епископу, понеже нѣции человеци принесоша ему речи на епископа, яко небрежно и лихоимствено житие имать, и сего ради, въкратце изложив, посылает. Слово 2», л. 225) Даниил приводит учение о пастырском долге и наставления нерадивому епископу. В конце призывает: «...целомудрствуим, и трезвимся, и возлюбим друг друга, бегаем немилосердного нрава, отметнем от себе нечеловеческое и лихоимствование, и возлюбим человека, а не серебро и злато» (л. 226 об.). Третье послание («Того же. Послание к тому же епископу. Яко святительские приемлют санъ, много подабают поучения имѣти о себѣ же и о пастырствѣ; и не о себе учити или от своего разума составляти что, но от свѣдѣтельства Божественных Писаний. Слово 3», л. 226 об.) направлено тому же епископу. Даниил обращается к нему как к своему духовному брату: «возлюбленные духовные мои брате епископѣ». Продолжая тему – обличение «небрегущего» настоятеля, митрополит усилил поучительный пафос о долге пастырского служения и расширил аргументацию богословскими положениями. Сопоставление двух последних посланий позволяет видеть, как развивался авторский замысел: от резких обвинений в адрес епископа, от отрывочных, но эмоционально окрашенных выражений Даниил перешел к спокойному тону наставительной речи, сопроводив свои размышления святоотеческими сентенциями. Даниил любил возвращаться к той или иной теме, варианты и повторы стали примечательной чертой его творчества.

К этой группе посланий о монастырской жизни должно примыкать седьмое послание Сильвестровского сборника, направленное инокам Волоколамского монастыря. Оно представляет собой как бы ответ Даниила на обращение волоколамских монахов к старцу Ионе с просьбой: «...покажи на нас отеческую любовь: сам жалуи и игумену Данилу и братии печалуися, чтобы, господине, на насъ выше нашей немощи тягость не накладывали» [Жмакин, 1881, Прил., с. 56]. Даниил в ответном сочинении объяснил свою политику в его бытность епископом в Иосифо-Волоколамском монастыре и попытался оправдать свои решения. Послание очень напоминает строение Слов «Сборника», потому что содержит большое число выписок из трудов учителей Церкви и может быть расценено как опыт трансформации послания в пастырское поучение.

Послания с 4 по 6 составлены в защиту монашества. Рассуждения о скоротечности жизни и ничтожестве земных благ в Послании 4 («Послание наказательно и душеполезно, и яко житие сие прелестное и, яко сон, мимо грядет. Слово 4»), которое относится к лучшим страницам сочинений Даниила, перетекают в разговор об иноческом жителстве, об устройстве монастырей в Посланиях 5 и 6. Сама тема бренности человеческого существования подвигает к размышлениям о жизни вечной, в которую можно прийти, сохранив целомудрие и нравственную чистоту: «...да имать умъ твои незабвенну память о Царствии Небеснем, и о раи, и о геонѣ огненей, и о черви не усыпающемъ, и отъ сего чистота души и телесе да съдворитися» (Послание 4, л. 231).

Один из способов спастись от греховного мира и обрести жизнь вечную – провести жизнь земную в монастыре. И следующее послание посвящено обсуждению: «О различии иноческаго жителства... Слово 5». Даниил отвечает на посла-

ние некоего адресата: «Ты же паки писалъ еси моеи худости о разных иноческих житиахъ: о общеи, и о особнеи, и о пустынем, – и которое, рекъ еси, о сих удобнее ко спасению» (л. 235 об.). Митрополит обсуждает три типа иноческого жительства, ссылаясь на учение Иоанна Лествичника. Сам являясь сторонником общежития, Даниил считает, что спастись можно при любом выборе иноческой жизни, главное – «духовному поучатися» (л. 248 об.).

Тема монашеской жизни продолжена в шестом послании, но уже под другим углом: целомудрие и духовную чистоту можно сохранить не только в монастыре, но и в светском законном браке. Основная идея сформулирована в пространном названии: «О наказании... како святии апостоли человекское житие на двѣ жизни уставивша: на девственое, сирѣчь на иноческое, и на супружное; и яко хотящему притещи во иноческое житие, преже искушатися подобает; и яко хотящему пришедшему к законному браку съхранити цѣломудрие и чистоту... понеже целомудрие и чистота многажды от смерти избавляет человека. Слово б» (л. 249). Некому лицу, просившему объяснить, как сохранить целомудрие и чистоту, Даниил, удивившись доверию к себе, «грѣшному, и худому, и несмысленному иноку», составил наставление о сохранении целомудрия как в браке, так и в иночестве.

Практически одной теме – воздержание от прелюбодеяния, сохранение целомудрия и духовной чистоты – посвящены Послания с 8 по 14. Видимо, адресат этой группы посланий был один – знатный человек, «впадший в глубочайший ров беззакония» (Послание 8, л. 282 об.), подверженный разврату. Он сам, видимо, неоднократно обращался к Даниилу с просьбой о наставлении, и митрополит, «множицею ему глаголах», признавался в сочувствии к своему адресату: «множицею от многих слышах о напасти твоеи и плаках зѣло горко обидѣ твоеи, желая спасения твоего, и вельми хотех руку помощи подати...» (Послание 10, л. 291 об.). На одного адресата указывает повторяющийся в посланиях тип обращения: «Възлюбленному и духовному моему брату».

Послание 9 («О наказании») по сути представляет собой пастырское поучение, где эпистолярные элементы редуцированы. Его интенция обусловлена желанием Даниила расширить рамки послания и высказаться по одной из главных тем христианского вероучения – о страхе Божиим. Функция текста – сопровождение размышлений о целомудрии.

В десятом Послании Даниил обсуждал конкретный сюжет из жизни человека, склонного к прелюбодеянию: «Послание, яко душе вредно еси совокупитися и бѣсѣдовати с женами и с мужи женовидными, аще от которых человек приходит душевный вред, сих подобает отвращати и отвращатися» (л. 291 об.). А в Послании 11 «О целомудрии и чистотѣ» в несколько реферативной форме Даниил дал ответ-совет, как воздержаться от греха разврата, и составил пастырскую речь «не от себе, но от Святых Писаний и предании богоносных отецъ» (л. 294), в которой просто и ясно изложил свои рассуждения по теме. В кратком Послании 12 «О целомудренном и благоговейном житии» вышеизложенное учение Даниил проиллюстрировал портретом смиренного человека, который должен «любити же и лица бледность, и сухоту телесе, и в болезнех не изнемогати, а в немощех не оскорблятися, но вся благодаря Христа терпѣти съ тихостию, и кротостию, и съ смирениемъ, и долу имѣти очи, и преклону выю, и взор тихъ, и ступание кротко, и бесѣда душеполезна, и молитва безпрестанна» (л. 296). На основании этого описания, напоминающего облик инока, В. Жмакин предположил, что послание адресовано человеку, намеревавшемуся уйти в монастырь [Жмакин, 1881, с. 676]. Но прямых указаний на такое решение адресата в тексте нет. Мотивацией для Даниила послужила просьба о том, как «по внешнему словеси и закону прочее и духовному научитися закону дльжно еси», и Даниил ответил, что надо

«о благочестии показати поты, и труды, и чисто и целомудрено пожити житие» (л. 296).

История Послания 13 требует специального исследования. В его пространном названии заявлено несколько нравоучительных тем: «о целомудрии, и о чистотѣ, и о хранении девства», о сохранении обещания на крещении, о соблюдении заповедей и церковных уставов, о пастырском долге, о том, что надо не впадать в отчаяние, избегать вредящих дел, молиться, помнить о смерти и Страшном Суде, плакать о своих грехах. Даниил, отвечая на просьбу общего характера – послать «слово полезно къ благоугождению Божию» (л. 297), составил обширное поучение, включив в него разные вопросы. Многие из них получают самостоятельное изложение в Словах «Соборника». Это послание стоит оценить как некий писательский опыт перехода от эпистолярного жанра к богословскому трактату. Может быть, этим текстом Даниил полагал завершить свой сборник посланий. Но рукописи Соф. 1281 и Соф. 1456 заканчиваются отдельным фрагментом, который представляет собой вторую половину Послания 14, сохранившегося в списке Погод. 1149: «Того же. Послание о духовномъ внимании, и трезвѣнии, и брежении. Слово четвертое на десять».

Это уже не ответное послание, в нем нет просьбы адресата, и Даниил написал его по собственной инициативе, отметив, что «многожды глаголахъ ти и свѣтоввахъ съблюдати себе отъ всякаго небрежения»⁵. Сходная тематика и межтекстовые связи с другими посланиями («долу имѣти очи и отлучатися бесѣдженскихъ, и не взирати на жены...») позволяют включить его в дискурс о целомудрии и чистоте.

В целом все послания сложены в систему авторских текстов, связанных традицией эпистолографии, темой нравственной чистоты в иноческой жизни и жизни мирской. Послания довольно разнообразны по своей архитектонике, но в некоторых из них просматривается тенденция к усложнению структурных элементов (появление обширных библейских цитат, выписок из святоотеческой литературы), что делает отдельные тексты (Послания 7 и 13) похожими на Слова «Соборника». Кодами Сильвестровского сборника посланий выступили заголовки-надписания, однотипные обращения и связанная мотивная структура (монашеская жизнь и сохранение целомудрия и нравственной чистоты в мирской жизни), построенная на тексте Священного Писания.

В «Соборнике» Даниил обратился к комплексу религиозно-нравственных проблем своего времени. Они не так единообразны, как в «Просветителе» Иосифа Волоцкого. Их число не так обширно, как, например, у Максима Грека. Тематический выбор Даниила обусловлен задачей, которую он, позиционируя себя в роли пастыря, поставил в Предисловии к «Соборнику»: «Служители же слова – духовнии отци – должны суть подаати всѣмъ вся: и заблуждшихъ възискати, и прелщенныхъ обращати, и немощныхъ врачевати»⁶. Этот мотив пастырского служения пройдет через все Слова авторского свода.

Исследователи XIX в. считали, что сочинения Даниила в «Соборнике» никак не систематизированы, они отмечали, что между Словами не существует никаких связей [Макарий, 1872, с. 187; Жмакин, 1881, с. 290]. Но мотивный анализ позволяет видеть в авторском кодексе систему архипастырских поучений [Журова, 2012, с. 15–19].

Состав «Соборника» распадается на две равные по числу глав части. Теме заблудших и прельщенных отведены первые восемь Слов «Соборника», в которых одним из ключевых лексем будет «еретики». Но Даниил не полемист, а дидаскал.

⁵ Текст цитируется по рукописи: РНБ. Собр. Погодина. № 1149. Л. 218.

⁶ Текст цитируется по рукописи: РГБ. Ф. 173. Собр. МДА/І. № 197. Л. 1 (далее листы указаны в круглых скобках).

Он изложил (довольно кратко в собственной речи, но очень пространно в виде «свидетельств», «чужой» речи) известные богословские истины о вреде лжеучений и опасности лжепророков (Слово 1) и об учителях истинных, ведущих враждующих к примирению (Слово 2); о важности святоотеческих церковных преданий (Слово 3) и обряде крестного знамения (Слово 4); о человеческой природе Христа (Слово 5) и силе милости Спасителя, принявшего крестную смерть (Слово 6); о премудрости Божьего провидения (Слово 7) и божественной природе царской власти (Слово 8). В такой последовательности видна логика автора. Во-первых, выделенные группы организованы по принципу бинарного кода, где один текст связан с богословской пролематикой, другой – с практикой человеческой жизни. Так, общие рассуждения о ложных учениях Даниила необходимы для изложения конкретных наставлений истинных учителей о необходимости смирения. Подняв вопрос о роли церковных преданий, митрополит перешел к актуальной проблеме крестного знамения, построенной на мотивах неписаных преданий. Учение о вочеловечении Христа подготовило восприятие сюжета о «позорной» крестной Его смерти на древе. Мотив – Христос спасает верующих в Него – необходим для доказательства веры в Божье повеление, силой которого укрепляется земная власть. Вектор проповеднических речей митрополита направлен от богословия, в котором он был не очень силен, к наставлению пастве, к наказаниям грешникам.

Во-вторых, установленные внутренние смысловые, мотивные, текстуальные связи, повторы между Словами позволяют представить главы «Соборника» в виде единого дискурса, в котором сцеплено несколько сюжетов. Так, тема ложных пророков сменяется мотивами истинных учителей, которые доказывали правомочность неписаных преданий, одним из сюжетов неписаных преданий является рассказ о крестном знамении, краткий экскурс в учение о вочеловечении Христа придает большую драматичность описанию Его крестной смерти, торжество Бого-Человека на Кресте было предуготовлено Его преухитрением дьявола, которое укрепило веру в Бога, сила веры необходима для утверждения мира и власти за земле.

Сочинения второй половины «Соборника» уже не касаются еретической темы, и Даниил переходит к своей излюбленной теме – нравственности в обществе. Слова должны, по замыслу Даниила, «неможных врачевати», поэтому выдержаны в интонации совета и назидания православному человеку и изложены в виде нравоучительной проповеди. Но связанность с предыдущими сочинениями устанавливается на текстуальном уровне. Так, тема Слова 9, заявленная в заглавии «Не судите, да не судимы будете» (Мф. 7: 1), была поднята в «свидетельствах» Слова 8, где приведены толкования этой библейской цитаты Афанасием Александрийским. Слова 9 и 10 представляют практически один текст: так, в Слове 10 с названием «Аще нѣкаа злаа сътворимъ братиамъ нашимъ, или укорим, или оклеветаемъ, в таяжде впадемъ» продолжается обсуждение греха осуждения. Общий концепт двух Слов выражен ключевыми цитатами, которыми открывается второй раздел Слов, а именно «свидетельства»; в Слове 9 это «Еуаггелие от Луки. “Не судите и не судятъ вамъ, и не осужайте, да не осужени будете”» (Лк. 6: 37), в Слове 10 – «Еуаггелие от Матфеа. “Имже судомъ судите, судяте вамъ”» (Мф. 7: 2). Они послужили концептуальной основой для порождения авторского замысла. Смысловый акцент двух смежных Слов «Соборника» совпадает: «Дѣло же любви есть, еже не враждовати, ни осужати, ни клеветати на ближняго, но исправляти, а не поносити» (Слово 9, л. 331 об.) и «Любы долго терпит, благость показываетъ, любы не завидит, любы не лукавствуетъ, не гордится, не злообразуется, не ищетъ своихъ си, не раздражается, не вмѣняетъ злое, не радуется о неправдѣ, радуется же о истиннѣ» (Слово 10, л. 351). Мотив духовной любви («насыщаются духовныхъ брашень», т. е. Святыхъ Писаний) служит стержнем все-

го «Сборника» и в каждом Слове представлен выразительными модификациями.

В следующих Словах Даниил в продолжение темы обращается к противоположному концепту: «презираи плоть... и не услажаися настоащими» (Слово 11, л. 356 об.). Критике плотского в жизни человека митрополит посвятил Слова 11–13 («О Божиих судьбах и исповедании», «О соблюдении обещаний во святом крещении», «Что есть мир»). По яркости образов, по выразительности языка, эмоциональной окрашенности речи это лучшие страницы в творчестве писателя. Здесь он поднялся до уровня памфлета. Ряд мотивов, рефреном звучащих в трех Словах, например напоминание о силе крещения, скрепляет главы в единый текст: «яко звѣри дивии къ единоплеменнымъ бывающе, другъ друга снѣдающе, словеса обѣщаниа нашего, яже на святѣмъ крещении... призирающе и ни въ что же полагающе» (Слово 11, л. 401 об.); «Мы же, христиане суще, породьшеся божественнымъ крещениемъ, поганыхъ языкъ обычаемъ прилежим, другъ друга кусающе, другъ друга пожирающе, яко же рыбы, другъ друга укоряюще, поношающе» (Слово 12, л. 405); «вси единѣмъ божественнымъ крещениемъ крестихомся, и вси равно кровию Христовою искуплени быхом» (Слово 13, л. 460). Мотив крещения был поднят Даниилом еще в Послании 13 Сильвестровского сборника, но полностью разработан в Словах «Сборника».

Последние три Слова «Сборника» удивительно кратки по содержанию и отнесены к одной теме, заявленной в заглавиях: «Не подобаетъ мужу от жены, ниже женѣ от мужа разлучитися, развѣ блудныа вины. Слово 14», «По еуаггельскому словеси не подобаетъ мужу от жены и женѣ от мужа разлучитися, аще не блудныа вины, обычаи же о сих иная удержа. Слово 15», «О вторѣмъ брацѣ совокупление. Слово 16». Анализ этих сочинений показывает, насколько Даниил виртуозен в обыгрывании повторяющихся мотивов, в варьировании тем.

Другой примечательной особенностью архипастырской речи Даниила было ситуативное функционирование обращений. Апеллятивы поддерживали драматургию общения автора и читателя, что для проповедника было очень важно. Выбор обращений у Даниила зависел не только от ситуации общения, но и от типов участников. Чтобы быть услышанным каждым, Даниил использует прием социальной персонализации адресата-читателя (старец, юноша, инок, вдовец, вдовица, раб, свободный и т. д.). Наряду с именными формами: «братие», «братие и чада», «възлюбленнии», «богомудрии», «любимицы» – автор использует обращения с местоименным апеллятивом «мы», который способствовал сближению автора и адресата. За обращением к персонажу на «ты», как правило, стоит упрек митрополита всякому маловерующему и сомневающемуся: «Ты же пастыря презираеши и ни въ что же полагаеши» (л. 203). Считая себя «служителем слова», Даниил стремился своей архипастырской речью заблудших спасти и «неможных» врачевать. К ним были направлены его труды.

Таким образом, «Сборник» представляет собой цельное произведение с устойчивой архитектурой как всего состава, так и каждого Слова, потому что каждый раз мысль укладывалась в заданную автором форму словесного выражения, что обеспечило значение труда Даниила как опыта церковного просвещения и нравственного воспитания. Кодом в организации синтагматических отношений между Словами «Сборника» служило Священное Писание (в каждом Слове Даниил указывал: «не от себя писах, а от Божественныхъ Писанийъ събрах») и его толкования, порождавшие авторскую интенцию и обеспечивавшие мотивную структуру архипастырских проповедей Даниила. Субкодами выступали единый принцип строения Слов (трехчастная структура, функции заголовков) [Журова, 2014, с. 130–156] и позиция автор – читатель. Кодирование ограничивало читательские интерпретации и активизировало межтекстовую компетенцию средневекового читателя.

Составы кодексов митрополита Даниила складывались в динамичную систему проповеднических текстов, выстроенных по принципу многоуровневой семантики. Для средневековой культуры характерно представление о мире как о единой сущности, выраженной словом, которое в свою очередь «иерархически состоит из отдельных, как бы вложенных друг в друга слов» [Лотман, 1999, с. 35]. С помощью повторов, спиралевидных ходов в развитии темы Даниил обращал читателя к прочтыванию и пониманию текста. Внутренние смысловые связи скрепляли Слова «Соборника» и послания Сильвестровского сборника в единые тексты. Функционирование повторяющихся мотивов определяло парадигматические измерения словесного пространства кодексов. Устойчивость структурных отношений внутри них приводила к нивелированию оригинальности его составных частей и повышала коэффициент связанности текста.

Список литературы

- Алексеев А. И.* Сочинения Иосифа Волоцкого в контексте полемики 1480–1510-х гг. СПб., 2010.
- Буланин Д. М.* Переводы и послания Максима Грека. Л., 1980.
- Дружинин В. Г.* Несколько неизвестных литературных памятников из сборника XVI века // *Летопись занятий Археогр. комиссии за 1908 г.* Т. 21. СПб., 1909.
- Жмакин В.* Митрополит Даниил и его сочинения. М., 1881.
- Журова Л. И.* Авторский текст Максима Грека: Рукописная и литературная традиции: В 2 ч. Новосибирск. Ч. 1. 2008.
- Журова Л. И.* Мотивная структура «Соборника» митрополита Даниила // *Сибирский филологический журнал.* 2012. № 2.
- Журова Л. И.* «Слово о Крестной смерти» митрополита Даниила и традиция учительной литературы // *Тексты источников по истории России и национальная культурная традиция: Сб. науч. тр. Новосибирск, 2014.* (Археография и источниковедение Сибири; Вып. 32).
- Лотман Ю. М.* Внутри мыслящих миров. М., 1999.
- Макарий (Булгаков).* Сочинения Московского митрополита Даниила. Статья преосвященнейшаго Макария, архиепископа литовского и виленского // *Христианское чтение.* 1872. № 10.
- Максим Грек, преп.* Сочинения. Т. 1. М., 2008.

Список сокращений

БАН – Библиотека Российской академии наук
ГИМ – Государственный Исторический музей
РГБ – Российская государственная библиотека
РНБ – Российская национальная библиотека

L. I. Zhurova

*Institute of History of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation; zhurovansk@mail.ru*

Silvestrovsky sbornik of Metropoliran Daniel's epistles and «Sobornik»: questions of codification

There are two types of collection in the creative heritage of Metropolitan Daniel: «Sobornik» (16 Words) and the collection of epistles (Silvestrovsky sbornik, 14 epistles). An analysis of their

architectonics allows one to define some regularities in organization of author's codexes and to approach the issue of two genre genesis: epistle and sermon. The epistles of the Silvestrovsky sbornik embody a system of texts that follows the epistolographic tradition and the theme of moral purity in monastic and temporal life. The codes of the collection of epistles are presented by the headings, the single-type appeals and the complex of the Holy Writ's motives. The code in a structure of sintagmatic relations between the Words of Daniel's «Sobornik» was the Holy Writ and its interpretations which gave rise to author's intension and secured a motive structure of archbishop sermons. There were also subcodes represented by a single principle of Words' structure (three-part structure, functions of the heads) and the position «author – reader», that appeared in a variety of appellatives.

Keywords: Daniel, Metropolitan of Moscow, manuscript heritage, «Sobornik», epistle, sermon, ties between texts, publicism.

DOI 10.17223/18137083/57/3

References

Alekseev A. I. *Sochineniya Iosifa Volotskogo v kontekste polemiki 1480–1510 kh gg.* [The works of Iosif Volockij in a polemics context]. St. Petersburg, 2010, 390 p.

Bulanin D. M. *Perevody i poslaniya Maksima Greka* [Translations and epistles of Maximus the Greek]. Leningrad, Nauka, 1980, 277 p.

Druzhinin V. G. *Neskol'ko neizvestnykh literaturnykh pamyatnikov iz sbornika XVI veka* [Some unknown literature monuments from 16th century's collection]. Otd. ott. iz LZAK, St. Petersburg, 1909, vol. 21, pp. 36–144.

Lotman Yu. M. *Vnutri myslyashchikh mirov* [Inside of thinking worlds]. Moscow, 1999, 458 p.

Makariy (Bulgakov). *Sochineniya Moskovskogo mitropolita Daniila. Stat'ya preosvyashchennyshago Makariya, arkhiepiskopa litovskogo i vilenskogo* [Works of Metropolitan Daniel of Moscow. The article of Right Reverend Makariy, archbishop of Moskow and Vilen]. *Hristianskoe chtenie, izdavaemoe pri S-Peterburgskoj duhovnoj akademii* ['Hristianskoe chtenie', published by Saint-Petersburg ecclesiastical acad.]. 1872, no. 10, pp. 181–275.

Maksim Grek, prep. *Sochineniya. T. 1* [Reverend Maximus the Greek. Works. Vol. 1]. Moscow, 2008, 568 p.

Zhmakin V. *Mitropolit Daniil i ego sochineniya* [Metropolitan Daniel and his works]. Moscow, 1881, 762 p.

Zhurova L. I. *Avtorskiy tekst Maksima Greka: Rukopisnaya i literaturnaya traditsii: V 2 ch.* [Author's text of Maximus the Greek: manuscript and literature traditions: in 2 pts]. Novosibirsk, 2008, pt 1, 495 p.

Zhurova L. I. Motivnaya struktura “Sobornika” mitropolita Daniila [Motive structure of Metropolitan Daniel's ‘Sobornik’]. *Sibirskij filologicheskij zhurnal* [Siberian Philological Journal]. 2012, no. 2, pp. 15–19.

Zhurova L. I. “Slovo o Krestnoy smerti” mitropolita Daniila i traditsiya uchitel'noy literatury [Metropolitan Daniel's “Slovo o Krestnoy smerti” and Church Fathers' literature tradition]. *Teksty istochnikov po istorii Rossii i natsional'naya kul'turnaya traditsiya: Sb. nauch. tr.* [Source texts of russian history and national cultural tradition. Collection of treatises]. Arheografija i istochnikovedenie Sibiri, Novosibirsk, 2014, iss. 32, pp. 130–156.